

К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Ю.КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: andrej0889@mail.ru

Данная работа посвящена одному из основных вопросов в современной русской философии – вопросу о самобытном философском языке в России. В статье делается попытка типологически классифицировать специфические языки русской философии, определить общие тенденции в их развитии на примере русского религиозно-философского Ренессанса

Ключевые слова: Русская философия, русский религиозный Ренессанс, философский язык, философствование, Достоевский, Платонов

Перспективные ретроспективы

Пушкин жаловался, что в России не существует метафизического языка, языка для философии. Язык церковно-славянский годился для дидактических высказываний, которые уже уложены в русло христианской морали и догматики, и потому он никак не годился для свободного философствования (либо такой случай идентифицировался как ересь, здесь язык играл функцию распознавания той области, в которой происходит размышление: богословие или философия). И пока наша академическая философия под контролем министерств просвещения решала, какой ей быть, германской или православной, дело до выработки философского языка никак не могло дойти, ибо самобытный философский язык появляется тогда, когда появляется на него запрос, а запрос этот может быть дан только самобытной философской мыслью и никак иначе. Не бывает особого философского языка без особой философской мысли, без философствования как такового. В.Ф.Одоевский и Д.В.Веневитинов назвали себя любомудрами и заявили, что желают выработать русскую самобытную национальную философию. Веневитинов писал стихи, Одоевский мистические повести. И в тех и в других был романтизм, Шеллинг, Спиноза и т.д., но не было пока как такового русского любомудрия. Тем временем Чаадаев заявил о невозможности любомудрия в России, потому как любомудрие, сиречь философия, тогда только в народе возможно, когда есть у народа этого история, вернее, когда сам народ есть в истории. Уже есть. А ежели его уже нет, то и попасть в историю ему никак уже нельзя. Тем самым Чаадаев обозначил проблему невозможной будущей русской философии как тему историософскую. Русская философия невозможна, говорила Чаадаеву историческая мудрость, но сердце, несмотря на эту свою мудрость, истерически просило русской философии, просило дерзания о невозможном. И Чаадаев просил русского гения Александра Пушкина писать ему письма на русском, хотя сам свои Философические письма к даме писал по-французски. В письмах этих, заявил Чаадаев, есть система. Так он написал Шеллингу. Пусть система эта не выражена в огромных трактатах специальным научным языком, но она есть. Это просто языка у нас нет, потому и пришлось писать по-французски и в личном письме. Т.е. это речь, а не текст¹. Так, как мы говорим с друзьями о сокровенном, а не как мы читаем научный доклад на конференции. С друзьями можно говорить так, как получается, как можешь. Чаадаев задал очень важную тенденцию в русской философии – говорить как с другом. Бердяев напишет после в своей философской биографии, что не умеет дискурсивно мыслить, что он не доказывает истину, доказывать любимую истину нужно врагам, но – он её показывает. Соответственно, показывает он её друзьям, С.Н.Булгакову, например, или своей супруге, её сестре, или своей

¹ И.Г.Михневич в «Опыте простого изложения системы Шеллинга» в 1850 году писал, что «для нас важна мысль, а её мы можем выразить, как нам угодно, – так или иначе. Если чужеземные формы несродны нам и тяжелы, то мы можем заменить их своими», и далее Михневич предлагает «опыт замещения выпяченного языка философского простою русскою речью». – Цит. по Ванчугов В.В Очерк философии самобытно-русской. – Москва: РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1994 . – С. 82.

подруге Евгении Герцык, или своему другу Льву Шестову. Русская философия стремилась говорить с друзьями, искала друзей, но по какому-то странному философскому провидению находила себе всегда более врагов.

Продуктивные тавтологии

От Пушкина до наших дней, так говорят филологи. Пушкин создает русский литературный язык, т.е. то вещество, выражаясь языком Платонова, «словесный материал», который уже может использовать философия для выработки своего собственного философского языка, особой философской грамматики, как говорил Мамардашвили. Библихин пишет, что «поэзия несет в России службу мысли вернее, чем философия»². В каком смысле? В том, что поэт в России больше, чем поэт? Или в том, что впервые национальный философский дух начинает говорить через литературу, через поэзию? В том, что философия в России немного запаздывает? Философ и писатель Розанов писал, что плоха та философия, которая не просится в поэзию. Поэт и любомудр Дмитрий Веневитинов постулировал, что философия и есть истинная поэзия. Об одном ли они говорят? В конце концов, что такое поэзия? В итоге все равно приходится говорить об этой извечной связанности русской литературы (поэзии) и русской философии, т.е. здесь имеется в виду, что русская философия исходит из русской литературы, и потому она литературоцентрична. Отсюда и особенный язык русской философии, который стремится то к рассказу-эссе (Соловьев, Лосев), то к поэме (Поэма о смерти Л.П.Карсавина, например), то к стихам (Соловьев, Карсавин, Лосев), то... А то и к чему-то уже совершенно особенному. Соловьев или Карсавин могли писать научные трактаты на научном серьезном языке, а могли также писать стихи, поэмы, рассказы, повести. Это отдельно. А вот, скажем, Бердяев, а вот Розанов, Лев Шестов? Здесь встает вопрос об особенном гибридном типе философствования.

В русской философии в связи с этим вопросом необходимо выделить две тенденции, две линии. Первая связана с Вл.Соловьевым, вторая – с Достоевским. Первая – это философия системы, философия со своим категориальным аппаратом, с научным языком. Не обязательно академическая философия, но вполне себе профессиональная, философия школы (Вл.Соловьев – это целая философская школа). Вторая – философия случая, она философствует без системы и без четких правил, но оттого что не философствовать не может. Достоевский сам писал о себе, что он шваховат в философии, но не в любви к ней. Да и в философии он ежели и был шваховат, то только в плане философской эрудированности, что вполне возмещалось его философской интуицией. Соловьев и Достоевский задают типы философствования в России, которые затем самостоятельно развиваются по всем направлениям. Но ежели соловьевская линия в плане языка остается по сути дела без изменений: и о.С.Булгаков, и о.П.Флоренский, и Семен Франк, и остальные философы всеединства по большому счету говорят тем же самым научным философским языком, на котором говорил Соловьев, теми понятиями, которые задал Соловьев, – то линия Достоевского в языковом плане сильно видоизменяется, что само собой понятно: Достоевский, хотя и философ, тем не менее все же писатель, он пишет романы. Бердяев и Шестов романов не пишут, они пишут пусть и весьма своеобразные, но все же философские тексты, и потому преемственность Достоевскому у них особая. Булгаков, Франк, Флоренский, перенимая от Соловьева вместе с его философией и сам способ философствования, не встречают необходимости переводить его философию на свой философский язык, потому как язык у них один и тот же, для них нет нужды эксплицировать философию Соловьева из его текстов, она дана им как таковая. Философия Достоевского не дана в системе, она рассыпана по всем его творчеству. Бессмысленно искать у Достоевского текст, где была бы изложена его этика, историософия или его онтология. Бессмысленно вообще пробовать эксплицировать философскую систему из творчества

² Библихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. Отв. Ред и сост.: О.Е.Лебедева. – Москва, 2010. – С. 84.

Достоевского, как это делает, скажем, Р.Лаут³. Системность – это свойство самой философии, но не каждая философия обладает таким свойством, и потому приписывание ей такого свойства априори вместе с возможностью вычленивть системность из несистемных форм, в которых она, философия, изложена, неизбежно приводит к упрощению либо извращению.

Проблемы философии и философского языка Достоевского

«Литература существует именно как усилие сказать то, что на обычном языке не высказывается и высказать невозможно. По этой причине критика (лучшая её разновидность) всегда стремилась стать литературой»⁴. Раз отдельная традиция в русской философии исходит из литературы, перенимая основные вопросы и идеи, то, стало быть, не может эта традиция обойтись без прямого соприкосновения со своими исходными тестами. Русские философы рассуждают о героях-идеологах Достоевского, у которых философская их проблема воплотилась в самой их жизни. Отсюда само собой понятно, что просто так отделить философию от художественного её воплощения нельзя. Грубая, внешняя экспликация здесь неуместна, да она и не может быть инструментом экзистенциальной философии. Это очень хорошо понимал Бахтин, который в нескольких местах своей книги о Достоевском писал, что обыкновенная экспликация философской компоненты, грубое изъятие идеи из того художественного воплощения, из контекста, в который Достоевский эту идею поместил, – такая процедура неизбежно приводит к потере всей полноты этой идеи. «Изъятая из событийного взаимодействия сознаний и втиснутая в системно-монологический контекст, хотя бы и в самый диалектический, идея неизбежно утрачивает это свое своеобразие и превращается в плохое философское утверждение»⁵. По большому счету здесь Бахтин имеет в виду русских философов русского Ренессанса, хотя напрямую их и не называет. Однако русские философы не изымали идеи из их событийного контекста, а наоборот – сами входили в этот контекст, жили в нем. Это и называется дискурс. Потому идеи Достоевского не переводились на язык сухих понятий, но брались в своей ситуации, в своей жизни, как они есть. Русские религиозные философы стали персонажами еще одного романа Достоевского, который потом историки назвали Русский Религиозный Ренессанс... Они, конечно, заговорили иначе, по-своему, Достоевский, конечно, не создал бы все эти особенные их языки (хотя бы ввиду отсутствия такой философской эрудиции, как, например, у Льва Шестова), но тем не менее все эти особенные философские языки вместе с их особым философствованием появляются по запросу философии, которую создавал и дальнейшее развитие которой обеспечил Достоевский. Сегодня необходимо не согласиться с Бахтиным – главное значение Достоевского было как раз-таки не в создании новой "поистине гениальной страницы в истории европейского романа", а именно в создании религиозной философии в России⁶ и запросе на особый, адекватный этой философии язык, который под напором нового содержания вырывался из ткани языка старого, наличного и экспериментировал с новыми текстовы-

³ «Всеобъемлющая работа о философском мировоззрении Достоевского отсутствует и сегодня. Все появившиеся до сих пор изложения его философии вычлениют только частичные проблемы, и к тому же почти все они написаны с позиций определенного мировоззрения, на основе которого автор пытается осмыслить Достоевского. Полагаю, что существенные черты философии Достоевского требуют и соответствующего подхода» – пишет Райнхард Лаут в своей работе, которая так и называется – «Философия Достоевского в систематическом изложении». – Лаут, Райнхард, «Философия Достоевского в систематическом изложении» – Москва: РЕСПУБЛИКА, 1996. – С. 11.

⁴ Тодоров, Цветан, Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 73.

⁵ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. – Киев, «NEXТ» 1994. – С. 212.

⁶ «Достоевский создавал в России религиозную философию» – Кантор В.К. «Крупные кумиры», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России) / В.К.Кантор. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 105.

И в другом месте В.К. Кантор повторяет: «Достоевский не занимался философией религии, он создавал религиозную философию, укоренял её в России. И вот из этой материнской плаценты вырастает религиозная философия России. Он сотворил из своих романов для России ту основу, сквозь которую некогда прошла философия европейских стран». – Там же. С. 110-111.

ми формами, отсюда т.н. «полифонический роман». Однако отсюда изошли и особая форма текстов Бердяева, Шестова, Розанова и многих других философов, которые, вкусив однажды от романов Достоевского, не смогли уже вернуться к мерно протекающему рациональному философствованию с проторенными дорожками научного философского языка с его стандартными проблемами познания.

Проблема философии Достоевского – это русский религиозный Ренессанс, в том смысле, что именно в русском Ренессансе развернулись исходные философские интуиции и сюжеты Достоевского, от подпольной психологии (Шестов) до Ивана Карамазова («человек Достоевского, продолжатель Ивана Карамазова» Николай Бердяев), и ежели мы желаем понимать русский Ренессанс, то мы должны следовать к нему из/от Достоевского, проделывать тот же путь мысли, который проделывали от него русские философы, а значит, что необходимо усвоить и сам язык, научиться говорить на нем, философствовать им. Тогда, по этому научению, мы усвоим себе и русскую философию Ренессанса и сможем выкарабкаться, наконец, из мертвых исследований, из истории философии, придя к русской философии, которая не остановилась на русском религиозном Ренессансе, но продолжает жить дальше призывая на защиту к себе новое поколение философов, а не историков-исследователей. Ницше писал: «Если немцы уже целое столетие занимаются преимущественно изучением истории, то это показывает что в движении современного человечества она является задерживающей, тормозящей и успокаивающей силой, и это некоторые, пожалуй, готовы вменить ей в заслугу⁷. Эти слова Ницше, как и многие другие можно применить и к нашей ситуации. Изучение истории философии не должно замыкаться в дурной бесконечности, ибо история философии, пусть даже и рассказанная как философия, не сможет заменить саму философию.

Интонации русской философии

Как замечает Деррида, «Анализировать форму "философского дискурса", способы его композиции, его риторику, метафоры, язык, свойственные ему вымыслы, все, что в нем сопротивляется переводу, и т.п. не означает сводить его к литературе»⁸. Поэтому изучение этих "форм", которые «больше чем формы», является вполне философской задачей. Здесь, по сути, ставится вопрос, для самого Дерриды вполне решенный: что лучше/правильнее: научное, внешнее рассмотрение вот этого конкретного дискурса или же внедрение в этот дискурс себя самого и, соответственно, своего языка, потому что внешнее научное рассмотрение какого-либо дискурса всегда предполагает отдельный рассматривающий научный язык, описывающий рассматриваемый феномен (пример Бахтина, рассматривающего поэтику Достоевского). И при таком подходе мы сталкиваемся с той проблемой которую и сам Бахтин обозначил, но до конца не осмыслил для себя, – это проблема адекватности научного рационального языка для описания той философии которая по определению говорит о таких вещах, о которых и можно сказать только её языком. Потому язык, желающий исследовать такую философию, должен соответствовать описываемому феномену. Бахтин, рассматривая поэтику романов Достоевского, следует невольно за спецификой философии Достоевского, которая слита со своим воплощением, но стремясь научно рассмотреть эти романы, он своеобразно романной поэтики Достоевского ставит на первое место, упуская совершенно из виду само философское составляющее их, которому соответствует своеобразие поэтики. Русские философы Ренессанса действуют совершенно иначе. Они не описывают дискурс Достоевского – они проникают в него и продолжают его своей философией. Знаменательно, что вслед за языком (вернее, вслед за спецификой языка, которая трансформируется/видоизменяется под влиянием специфики философии) русским философам передаются и интонации. Так, у Достоевского поражает отсутствие юмора, смеха. То же самое можно отметить и про Бердяева, который будто бы и вовсе лишен чувства юмора. Аверинцев говорил про него: «Равномерная

⁷ Ницше Ф. Несвоевременные размышления / пер. с нем. – Спб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. – С. 287.

⁸ Ж.Деррида. Есть ли у философии свой язык? // [электронный ресурс]. URL: <http://antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>

перенапряженность и отсутствие чувства юмора – вот чем тяжел Бердяев»⁹. Так же и с Шестовым, он нигде не шутит, его едкие замечания и злорадная ирония о рационализме – это вовсе не юмор. Это нечто озлобленное. Ущербное, раненное¹⁰. Другое дело смех Соловьева! Здоровый оптимистический смех идеализма! С чем это связано? Как раз-таки с отсутствием/наличием дистанции в рассмотрении феномена. "Несоблюдение эстетической дистанции, – пишет современный философ Федор Гиренок в своей работе Патология русского ума, – делает нас глубокомысленными и серьезными. Русские философы не шутят. Для того чтобы была ирония и шутка, нужен зазор между порядком речи и порядком бытия. Чтобы ты пошутил, а тихая повседневность этой шутки не заметила. Чтобы все её содержание ушло в зазор. Как в трубу. А когда этого зазора нет, то шутки в сторону. Иначе мир перевернется. ты пошутил. И вот мир – как тигр, выпущенный из клетки. И ты с ним один на один. И кто кого. А положиться не на кого. Этим противостоянием рождается дискурс русской философии. То есть ты – в опасности. Тебе не до эстетики. И не до метафизики внешнего наблюдения"¹¹. Нет этой метафизики внешнего наблюдения ни у Н.А.Бердяева, ни у Льва Шестова, т.е. нет сознания, что я вдалеке от объекта и он никаким образом не сможет на меня повлиять. Так, Шестов в книге *Potestas Clavium*, давая короткую рецензию на одну из ранних книг Бердяева, Шестов замечает, что «манера писать у Бердяева напоминает Ницше последнего периода (периода Антихриста). «Как у Ницше его Антихрист, так и у Бердяева его книга написана на одной, самой высокой ноте его голоса. Нет периодов, нет придаточных предложений, почти нет запятых. Сходство до такой степени поражает, что остается впечатление, что содержание книги Бердяева совершенно покрывается содержанием ницшевского Антихриста»¹². И далее после небольшой рецензии на книгу Шестов спрашивает, что составляет сущность книги, тон её и её идеи. Тон идеи. У идеи может быть тон, говорит Шестов, манера написания. И манера эта зависит от положения этой философии в культурном и вообще мировом пространстве, от отношения её к миру и к другим философиям. И ежели философия готовится воевать (постоянно воевал за свободу человеческого духа на нескольких фронтах Бердяев, нещадно ополчаясь на любого, кто желал эту свободу ограничить, так же всю жизнь воевал с рационализмом Лев Шестов), то ей некогда приукрашивать свою манеру письма, делать тон своему звучанию. Русский философ не смеется, он серьезен, потому что ему приходится воевать. Экзистенциальная философия занята в жизни не тем, что может вызвать смех, но тем, что вызывает горькую скорбь.

Дома философии

Когда дробится жизнь, бытие – дробится и язык, дом бытия. Когда неладно в доме – значит, неладно с его обитателями. Чтобы собрать бытие – нужно сперва собрать язык. Чем? – Очевидно, самим же языком. Ведь бывают времена, когда никаких других орудий не остается. И тогда приходится говорить. Когда Достоевский силился сказать новое слово о человеке средствами наличного языка своего времени, язык его, по словам Бродского, захлебывался, силился сказать это новое, вырывался из своих возможностей и гнался за своим содержанием, философское слово гналось и не попевало за философской мыслью. Рок философии в том, что это оно и то же. Философское слово весит столько же, сколько философская мысль, говорил Бибахин. Когда мысль начинает весить больше, в философии происходят аномальные скачки. Первым таким скачком в нашей философии был Достоевский. Его опыт проговаривания привлекался каждый раз, когда происходили исторические сдвиги и приходилось эти сдвиги осмыслять. Вторым – Платонов. Только в

⁹ Воспоминания М.Л.Гаспарова о С.С.Аверинцеве (из книги "Записи и выписки") // [электронный ресурс]. URL: <http://librarius.narod.ru/personae/ssave.htm>.

¹⁰ Ср. со словами Чаадаева Пушкину: «Вы сказали, что хотите побеседовать: поговорим же. Но предупреждаю вас: я не весел; а вы – вы раздражительны». – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Том 14 (Переписка 1828-1831). // [электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/pushkinu-681.htm>

¹¹ Гиренок Ф. Патология русского ума. Картография дословности. – М.: «Аграф», 1998. – С. 17

¹² Шестов Л. *Potestas Clavium* (Власть ключей) / Лев Шестов. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 283

первом случае не хватало слова для мысли, во втором случае сама действительность потребовала себе нового слова. Лотман описывал это явление термином «семиотический сдвиг», от которого зависит смыслообразование в процессе столкновения культурных текстов с современностью. «Поскольку коды культуры развиваются, динамически включены в исторический процесс, – пишет Лотман, – прежде всего, играет роль некоторое опережение текстами динамики кодового развития»¹³. Язык захлебывается, сиюсь выразить то, для чего в культуре еще не нашлось подходящего кода – не только языкового, но и идейного. «Когда античная скульптура или провансальская поэзия наводняют культурную память позднего итальянского средневековья, они вызывают взрывную революцию в системе «грамматики культуры». При этом новая грамматика, с одной стороны, влияет на создание соответствующих ей новых текстов, а с другой, определяет восприятие старых, отнюдь не адекватное античному или провансальскому»¹⁴. Лотман здесь вскрывает сложную диалектику в создании новой грамматики, которая, с одной стороны, влияет на создание новых текстов, а с другой стороны, сама только и может создаваться под влиянием этих новых текстов. Речь здесь идет не об изменениях в терминах, но в самой ткани языка. Наука и религия просто уточняют термины, на основе которых выстраивается научная или религиозная мысль. Уточняют и уясняют слова. Но язык – сложнее слов, язык есть ткань, и плетется она не из одних лишь слов, подобно тому как рубаха плетется не только при помощи ниток. Но есть еще задумка, есть краски, в конце концов есть игла как инструмент плетения! Вот и про иглу тоже не стоит забывать исследователю, пусть даже затем эта игла становится не нужна в процессе ношения рубахи.

Итак, новый текст определяет восприятие старого. Об этом писал и Бахтин: мы всегда находим слово уже населенным, и решаем, что с ним делать. Так, русские философы Ренессанса нашли слово Достоевского и что-то с ним сделали, пытаюсь трактовать и продолжать по-своему; так же Достоевский нашел слово Пушкина, тоже уже населенное своими смыслами, но вложил в него немало и своих сокровенных смыслов, определив для многих своих современников восприятие Пушкина. И всегда это философское нахождение старого слова сопровождалось изменением тона его проговаривания, манеры изложения, громкости высказывания, манеры изложения, даже самой грамматики. В конце концов эти изменения были адекватны той реакции, которая вызывалась у философии современностью. Так определялась форма философствования – не самой действительностью, конечно же, но реакцией глубинной народной философии на эту действительность.

Русский язык, писал Карамзин «течет, как гордая река – шумит, гремит, – и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!»¹⁵. Развивая эту метафору, можно сказать, что философия, которая неизбежно должна себя выговаривать, входит в реку-язык и застаёт её всегда в разных состояниях, то нежно журчащим, а то и гремящим. А может и вовсе в неподходящий момент застаёт течение реки и обрушиться вместе водопадом с высокой скалы. Только вот ведь в чем парадокс – философия входя в эту реку языка, сама в том числе начинает определять его русло, его течение. Но в любом случае никакой философии не войти дважды в один и тот же язык. Специфический философский язык русского религиозно-философского Ренессанса уже не повторить, а стилизация в философии дело не благодарное.

Арх.Гавриил, опубликовавший 6-томную Историю русской философии, пишет, что «каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от прочих народов, и свою философию, более или менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии»¹⁶. Философия расселяется, как по съемным квартирам, по народным преданиям, литературам, поэзии, науке.

¹³ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 202

¹⁴ Там же. С. 202

¹⁵ Карамзин Н.И. «Письма русского путешественника». М., 1980. – С. 503-504

¹⁶ Цит. по Ванчугов В.В. Очерк философии самобытно-русской. – Москва: РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1994. – С. 63

Время определяет наиболее удобную форму поселения для философии этого народа и т.д., научаясь говорить на языке хозяина дома. Язык – дом бытия. Бытие дает жизнь философии, но при этом само постоянно ускользает от взора философа, постоянно маня его к себе в дом. Сама же философия обречена оставаться бездомной, скитаясь по разным съемным квартирам и мечтая о своем собственном, последнем пристанище.

Андрей Платонов. «Язык больного бытия»

«Язык Платонова – это язык «больного бытия», пишет современный философ Вл.Варава. – У Хайдеггера язык просто – «дом бытия», без всякой аксиологической окраски. Язык Хайдеггера тоже странен и непонятен. Но в отличие от Платонова, язык Хайдеггера вне-нравственен, для философа бытие есть бытие, это несокрытость, оно не может быть «больным» или «здоровым». Платонов, как представитель русской традиции воспринимает мироздание через ценностную призму. Бытие больно, ибо смерть ненормальна. И язык его именно народен, в то время как для Хайдеггера язык – онтологичен. Фундаментальная онтология формируется фундаментальным языком¹⁷. Соответственно и фундаментальная этика формируется фундаментальным языком. Но где такой язык найти? Ежели бытие Хайдеггера есть бытие как таковое, ни больное, ни здоровое, отчего можно жить в домике в провинции, то у Платонова это самое больное бытие не может позволить остаться на одном месте, так же как не может оставаться на одном месте языка-река. «Он, Платонов, сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности, занимаясь хитросплетениями сюжета, типографскими изысками и стилистическими кружевами» – писал Бродский в Послесловии к «Котловану» Платонова¹⁸. Платонов, иными словами, бросился с головой в реку-язык и позволил реке нести себя. Но так ли было все просто? Мы уже отметили, что отношение языка-реки и философа, который в эту реку шагает, не так просто, эти отношения есть сложная диалектика, в которой русло и течение реки меняется в зависимости от величины шагнувшего в реку. Платонов, без сомнения, был такая величина, и просто так подчиниться стихии он не смог бы. «В семнадцать лет Дванов еще не имел брони над сердцем – ни веры в бога, ни другого умственного покоя – он не давал чужого имени открывающейся перед ним безымянной жизни. Однако он не хотел, чтобы мир остался ненареченным, он только ожидал услышать его собственное из его же уст имя вместо нарочно выдуманного названия» (Чевенгур). Так поступают поэты, они дают говорить самому языку. Но поэт – не простой медиум, который транслирует интенции языка, подобно тому как картограф или геолог наносят на карту ход реки и все прочие характеристики, в противном случае мы не имели бы такого разнообразия среди поэтов. Поэт – пловец, и хоть его и несет течением языка, тем не менее техника плавания у него своя, особенная. Бродский писал про язык Платонова, что это такой язык, который, не поспевая за мыслью, «задыхается в сослагательном наклонении и начинает тяготеть к вневременным категориям и конструкциям; вследствие чего даже у простых существительных почва уходит из-под ног, и вокруг них возникает ореол условности». Язык не поспевает за мыслью, семантический сдвиг – так называл это Лотман. Метафорически: скорость течения реки меньше скорости, с которой плывет поэт! Это, пишет Броский, и значит, что язык Платонова «обнаруживает тупиковую философию в самом языке». В каком смысле? Как раз в том, что показывает отсутствие философии, имманентной самому языку. Язык как народная стихия – еще не философия. Это доказывается и тем, что не все, кто входит в эту реку (а в реку так или иначе вошли все, кто пользуется языком, кто дальше, кто нет), становятся философами, большинство людей просто – «плывут по течению», и лишь единицы изменяют ход этого течения, нарекаясь поэтами или философами. И вот, исследуя этих народных гениев, от Пушкина до Достоевского и от Достоевского до Платонова, мы в любом случае обречены – обречены повто-

¹⁷ Варава Вл. Философия отчего края // [электронный ресурс]. URL: <http://drugie.ru/page/1/2351/publ/>

¹⁸ Бродский Иосиф. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // [электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt

рять их опыт вхождения в язык, зная при этом, что в тот же самый язык, в который входили они, мы не войдем никогда.

Список литературы

1. Ванчугов В.В. Очерк философии самобытно-русской. – Москва: РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1994
2. Биbihин В.В. Слово и событие. Писатель и литература / Отв. ред и сост.: О.Е.Лебедева. – Москва, 2010.
3. Лаут, Райнрард, «Философия Достоевского в систематическом изложении». – Москва: РЕСПУБЛИКА, 1996.
4. Тодоров, Цветан, Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
5. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. – Киев, «NEXТ» 1994
6. Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России) / В.К.Кантор. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
7. Ницше Ф. Несвоевременные размышления / пер. с нем. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009.
8. Ж.Деррида. Есть ли у философии свой язык? // [электронный ресурс]. URL: <http://antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>
9. Воспоминания М.Л.Гаспарова о С.С.Аверинцеве (из книги "Записи и выписки") // [электронный ресурс]. URL: <http://librarius.narod.ru/personae/ssave.htm>.
10. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: «Аграф», 1998
11. Чаадаев – Пушкину А. С., 18 сентября 1831 // [электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/pushkinu-681.htm>
12. Шестов Л. Potestas Clavium (Власть ключей) / Лев Шестов. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007
13. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992.
14. Карамзин Н.И. «Письма русского путешественника». М., 1980
15. Варава Вл. Философия отчего края // [электронный ресурс]. URL: <http://drugie.ru/page/1/2351/publ/>
16. Бродский Иосиф. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // [электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt

TO THE TYPES OF RUSSIAN PHILOSOPHY LANGUAGES

A.Y.KOROBV-LATYNZEV

Voronezh State University

e-mail: andrej0889@mail.ru

This article focuses on one of the basic question in contemporary russian philosophy – the question of originality philosophical language in Russia. In this article attempts to typologically classify specific languages russian philosophy and identify common trends in their development on the example of Russian religious-philosophical Renaissance.

Keywords: Russian philosophy, Russian religious Renaissance, philosophical language, cogitation, Dostoevsky, Platonov.